

DOI: 10.15643/libartrus-2015.6.8

Зооморфный код культуры в моделировании ландшафта и его отражение в башкирской топонимии

© Г. Х. Бухарова

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Россия, Республика Башкортостан, 450000 г.Уфа, ул.Октябрьской революции, 3а.*

Email: buharova_g@mail.ru

В современной антропологической парадигме лингвистического знания язык изучается в тесной связи с этнокультурой, и в центре внимания лингвистики оказывается сам человек как носитель определенного сознания (связанного с особенностями его мышления), языка и культуры. В статье для описания соотношения языка и этнической культуры, языка и мышления автором используется понятие «код культуры». На основе анализа башкирской географической терминологии, образованной от зоонимов, обращается внимание на кодовую роль языка в описании мира с позиции человека и в формировании фрагментов модели мира. Рассматривается функция зооморфного кода культуры в восприятии, освоении и структурировании окружающего пространства, в моделировании географического ландшафта и концептуализации мира. Как показывают материалы анализа, названия тотемных животных – быка и коровы – ассоциируются с понятием «река» и находят отражение географических названиях. В основе зооморфного моделирования ландшафта лежат тотемистические представления башкир. Краткий экскурс, посвященный к выяснению сущности тотемизма, дает основание полагать, что тотемистическое животное не является главным предметом тотемистических представлений: эти представления связаны прежде всего с определенной территорией – областью кочевания конкретного рода. Такая связь выражается в зооморфном моделировании ландшафта: географический объект, в данном случае река, соотносима с тотемными животными – быком или коровой. На языковом уровне такие топонимы характеризуются переходом названия тотемного животного в географический термин: үгез «бык» переходит в үгез «река», инәк «корова» переходит в инәк «река». В топонимии кодируется этнокультурная информация: одна система мотивирующих единиц (название животного) переносится на другую область действительности (географический ландшафт) и получает вторичную номинативную функцию, участвует в моделировании ландшафта. При этом активно используется зооморфный код культуры.

Ключевые слова: *этнолингвистика, башкирская топонимия, географическая терминология, зооморфный код культуры.*

В современной антропологической парадигме лингвистического знания язык изучается в тесной связи с этнокультурой, и в центре внимания лингвистики оказывается сам человек как носитель определенного сознания (связанного с особенностями его мышления), языка и культуры.

Форму существования культуры в сознании человека, культуру, отображенную сознанием, т.е. бытие культуры в сознании его носителей в научной литературе называют «культурным пространством». Культура в данном случае включает в себя и Культуру «с большой буквы» (т.е. искусство, то, что составляет сокровищницу народа), и народную культуру, представленную в том числе в фольклорных текстах, и массовую культуру, и культуру бытия и т.д. [1, с. 10–11].

К глубинным слоям культурного пространства относятся древнейшие (архетипические) представления о ландшафте, пространстве. Эти представления отражаются в языке: в топониме или географической терминологии, как фрагменте географического пространства. Этнокультурная информация о пространстве, различного рода знания или представления о нем репрезентируются различными кодами культуры. Под понятием «код культуры» понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, которая членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Язык культуры осмысливается как система представлений, посредством которых человек постигает жизнь и ориентируется в социуме (идеи, мифы коллективного сознания, «общие места» и мотивы культуры), а также как система форм деятельности и поведения [2, с. 297].

Рассуждая о кодах культуры, исследователи отмечают их универсальный характер, но в то же время подчеркивают, что их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой.

В статье для описания соотношения языка и национальной культуры, языка и мышления автором используется понятие «код культуры». Основные содержательные универсалии *Человек – Время – Пространство*, т.е. модели ландшафта репрезентируются в башкирской топонимии различными кодами культуры: антропоморфным, соматическим, зооморфным и т.д. В названиях географических объектов наблюдается особая связь макрокосма и микрокосма, природы и человека. Такая связь выражается в антропоморфном и моделировании ландшафта: географический объект или его части соотносимы с человеком и названиями частей человеческого тела. На языковом уровне такие топонимы характеризуются переходом анатомического термина в географический: одна система мотивирующих единиц (анатомический термин) целиком переносится на другую область действительности (географический ландшафт) и получает вторичную номинационную функцию, участвует в моделировании ландшафта. При этом активно используется антропоморфный и соматический коды культуры. Например, анатомический термин күз «глаз» переходит в географический термин күз, күзләү, күзләүек, күзгәнәк «ключ», «источник» (очень маленький), «родник». В дальнейшем географический термин становится именем собственным: Күзгәнәк – родн. в Белорецком районе. Күзкәй – рч. в Буздякском районе, от күз «родник» и уменьш. суф.-кәй; Күзлешишмә – родн. в Мелеузовском районе, от күз «родник» с афф. облад. -ле и шишмә «родник, источник», т.е. «невысыхающий родник»; Күзйылға – рр. в Белорецком, в Кармаскалинском, в Аургазинском районах, букв. «глаз-река», от күз «родник, источник» и йылға «река»; Күзләү – уроч. в Туймазинском районе, от күзләү «источник».

В данной статье на основе анализа башкирских географических терминов *үгез «река» и инәк «река»* обращается внимание на кодовую роль языка в описании мира с позиции человека и в формировании фрагментов модели мира, рассматривается функция зооморфного кода культуры в восприятии, освоении и структурировании окружающего пространства, в моделировании географического ландшафта и концептуализации мира.

Многие реки и озера Башкортостана связаны с образом быка: Үгез – «бык», Ағүгез – букв. «белый бык», Карүгез, букв. «черный бык», Алүгез – букв. «пестрый бык», Үгез күл, Бәләкәй Үгезкүл, букв. «бык-озеро», Үгез һөзгән йылға – букв. «река, где бодался бык», в значении «река, открытая при помощи быка» и т.д.

Үгеҙ – рр. в Балтачевском, Бирском, Дюртюлинском, Дуванском, Кушнаренковском р-нах. Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» данное название сравнивают с древнетюркским үгүз «река» [3, с.157].

В словаре М. Кашгари в числе топонимов рассматривается *Kara kas okuz* «река черного нефрита» и *Urunq kas okuz* «река белого нефрита». По Махмуду Кашгари, на этих реках добывали нефрит [4, с. 152].

Как видно из приведенных примеров, в башкирской топонимии үгеҙ «бык» и гидронимический термин үгеҙ «река» выражены в языке одним и тем же словом. Какая связь между ними? Любопытно то, что в древнетюркском языке для обозначения реки употреблялось слово үгеҙ, букв. «бык».

Бык был тотемом тюркских племен. Как известно из тюркской мифологии, легендарным первопредком тюркских огузских племен был Огуз-каган. Тотемное животное стало названием племени – этнонимом, затем с обожествлением личности правителя, название тотема стало именем первопредка тюркских племен. Любопытно то, что и внутреннее значение слова үгеҙ также связано с родом. По А. Н. Кононову, слово үгүз/огуз произошло от *og* «род», «племя» и афф. множ. числа -уз. В слове *огуз* корневой морфемой является *og-*. В старотюркском – *og* «мать», *огул* «потомство», «сын», *огуш* «сородичи» [5, с. 84]. Ср.: башк. үк – ата-әсә, букв. «отец и мать», үкһез «осиротевший, безродный».

В Башкортостане гидронимы с основой үгеҙ распространены довольно широко: Үгеҙ – реки в Балтачевском, Бирском, Дюртюлинском, Дуванском, Кушнаренковском районах. Авторы «Словаря топонимов Республики Башкортостан» данное название сравнивают с древнетюркским үгүз «река» [6, с. 210]. В Бурзянском районе Башкортостана имеется родовое подразделение үгеҙҙәр, и река, где они сидят, также называется Үгеҙ.

По мотивам башкирских преданий и легенд, а также данных топонимии, попробуем проследить, какую роль играли тотемные животные в жизни башкир? В чем сущность тотемизма?

Преследование тотемного животного с целью выбора пригодного места для поселения – широко распространенный мотив башкирских легенд. Для башкир пространство, окружающее их, было неоднородным. В выборе священных мест башкирам помогали тотемные животные, прежде всего волк и бык. Это говорит о том, что у древних башкир был коллективный религиозный опыт в определении священного пространства. Чтобы понять природу географических названий, связанных с тотемными животными, обратимся к трудам, где выясняется сущность тотемизма.

По мнению В. Н. Топорова, «...тотем позволяет связать данный человеческий коллектив с данной территорией, настоящее – с прошлым, культурное и социальное – с природным, а также объединить этот коллектив некоторой общей системой норм поведения» [7, с. 442].

Клод Леви-Стросс, анализируя особенности первобытного мышления, тотемизм рассматривает как классификационную систему, код и подчеркивает, что «...специфические категории и связанные с ними мифы также могут служить организации пространства», и показывает примеры мифологической географии и тотемической топографии и их связь с именами собственными [8, с. 239–263].

В. С. Хан, специально исследовавший структуру практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины, отмечает: «...для мышления на стадии раннепервобытной общины охотников и собирателей была характерна направленность на конкретную территорию

с ее животным и растительным миром. Именно эта непосредственная природная среда, от которой зависела жизнь человека, занимала центральное место в сфере первобытной практики ранних общин. До того, как человек освоил земледелие и скотоводство и другие формы производящего типа, источники своей жизни, воспроизводство животных и растений, он непосредственно связывал с конкретной местностью, определенной территорией, повторяющимися, характерными для данного региона природными явлениями...» [9, с. 83]. Он подчеркивает, что «„территориальное“ мышление раннепервобытной общины охотников и собирателей отразилось не только в осмыслении источников жизни, причин воспроизводства животных и растений, но и социальных явлений» [9].

Далее В. С. Хан, опираясь на взгляды С. А. Токарева о том, что «...само тотемистическое животное не является ни единственным, ни даже главным предметом тотемистических представлений: эти представления охватывают прежде всего определенную территорию – область кочевания данного рода и особенно ее „священный центр“», выясняет сущность тотемизма [9, с. 83].

Мирча Элиаде пришел к выводу, что для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. По его мнению, есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы нет ни структуры, ни содержания, одним словом, аморфные. Он отмечает, что для религиозного человека эта неоднородность пространства проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, существует реально, всему остальному – бесформенной протяженности, окружающей это священное пространство [10, с. 22].

Вот как анализирует поведение и ощущения человека в мире, наполненном религиозным значением, Мирча Элиаде: «Требуется знак, чтобы положить конец напряженности, вызванной относительностью и чувством неуверенности, происходящей от отсутствия ориентиров, одним словом, для того, чтобы найти абсолютную точку опоры. Например, преследуют дикое животное и на том месте, где его убивают, возводят алтарь; или же выпускают на свободу какое-то домашнее животное, например, быка, через несколько дней его находят и там же на месте приносят в жертву, затем на этом месте возводят жертвенник, а вокруг него строят деревню. Во всех этих случаях священность места обнаруживают животные; люди, следовательно, не свободны в выборе священного места. Им дано лишь искать и находить его с помощью таинственных знаков» [10, с. 26].

Какое оно священное пространство? Для башкир священное пространство – это реальное в его совершенстве: это богатство и идеальная красота, источник жизни и плодородие (...матурлыкка, байлыкка тиңе булмаған ер, бик матур туғайлы йылғалар, урманға, емеш-еләккә бай ер, таузар, күккә олғашып, күз яуын алып торалар...) [11, с. 63].

Исходя из мотивов преданий и легенд башкир, упомянутых нами выше и теоретических положений о сущности тотемизма, можно сделать вывод о том, что «территориальное» мышление было характерно и древним башкирам. Значит, для башкир пространство, окружающее их, было неоднородным.

Можно предположить, что появлению таких мотивов легенд способствовала коллективная рациональная вера, основанная на собственном практическом опыте башкир, которая впоследствии переросла в иррациональную веру. Как видно из практического опыта башкир, животные в самом деле использовались при поисках водного источника. Затем такой опыт

приобрел религиозное толкование, согласно которому, священное животное служит ориентиром в выборе священной местности. Башкиры при переезде на новое место жительства, при основании селения или же когда искали источник воды, пользовались услугами животных. Они служили ориентиром в бесконечном пространстве. Поэтому в мифологии возникновение некоторых водоемов объясняется тем, что они образовались там, где ударил копытом или коснулся рогами священный бык. Такое верование башкир закреплено и в топонимии: река называется Үгез һөзгән йылға, букв. «река, где бодался бык», в значении «река, которую нашел и открыл бык».

Как показывают данный топоним, также предания и легенды, в мифопоэтическом представлении башкир бык связан с идеей плодородия: он способен найти и открыть источники, а также является хозяином реки. Приведем легенду, записанную Б. Г. Ахметшиным в селе Малояз Салаватского района от А. Х. Абдрахмановой, 1915 г. рождения, о синем быке, Хозяине реки: «Давно уже было, жили мы в маленькой деревне на берегу реки. Речка хоть и небольшая, но имела Хозяина – Быка. Случилось мне видеть его не раз: сам синеватый такой, а шея и ноги – в белых, черных и красных полосах. Однажды корова моя отстала от стада и не вернулась домой. Как ни искала, не могла найти свою кормилицу. Подумала, может с водяным быком осталась – в тот год не только в деревне, во всей округе не было быков. Потом корова нашлась. Когда отелилась, родился бычок, точь в точь – бык водяной, шея и ноги в полосках, сам синенький, только маленький. Соседи удивляются, сама не знаю, как быть, да и то – у всех коровы тогда яловые остались, а у нашей – небывалый теленок. А я хоть знала, виду не подала» [12, с. 176–177]. Такое верование башкир закрепилось в устойчивом выражении: *Елдән еленләп, бозға бызаулап йөрөрү*.

Поэтому кажется закономерным то, что и хозяина реки, и реку древние тюрки, в том числе и башкиры, называли одним и тем же словом: в древнетюркском языке для обозначения реки употреблялось слово үгүз – букв. «бык». Данный факт говорит о том, что в представлении тюркских народов бык ассоциировался с понятием «вода», «река».

Традиционная связь быка с водными объектами широко распространено в верованиях народов Востока. Об этом можно судить и по названиям рек. Многие реки на территории Евразии носят название Үгез или Буға//Пуға.

Интересно отметить, что үгез «бык» в представлении тюркских народов не только ассоциировался с понятием «вода», но и с понятиями «дорога» и «счастье». В Азербайджане река Уғур связывается с племенным названием уғур (угуз). Азербайджанцы напутствуют: «Уғурун хәйер олсун» – «счастливого пути, всего хорошего». По поверьям древних тюрков, слово *угур//угуз* – [р] ~ [з]) было именем бога земли и дороги у тюркских народов и олицетворяло счастье, благополучие [13, с. 11]. Если учитывать постоянную миграцию тюрков, то использование быка в качестве ориентира в местности вполне соответствует быту и образу мышления тюркских народов.

Тюркские названия рек связаны не только с образом быка, но и коровы. У сибирских татар имеется гидроним Су сыеры. В озере Назармат, находящемся в Ишимбайском районе РБ (дер. Армет-Рахимово), по мнению местных жителей, водится *су сыеры* «водяная корова».

Данные башкирской топонимии говорят о том, что в башкирском языке для обозначения реки употреблялось не только слово үгез, но и *инэк* в прямом смысле «корова». В Башкортостане многие реки носят название Инэк. Например, Инэк – р. прав.пр. Бири в Бирском районе. Это

говорит о том, что в представлении башкир не только бык, но и корова ассоциировалась с понятием «вода», «река». Поэтому и речку называли *инэк*.

Слово *инэк* в значении «река, речка» встречается в составе многих речек Башкортостана: Болғанак, Корғанак Һәүәнэк, Куғанак, которые, возможно, восходят к Болғанған инэк «мутная речка», Короған инэк «сухая, пересохшая речка», Һеүән инэк «речка со стремниной», Кыуға инэк, букв. "камышовая речка».

В башкирской топонимии названия рек связываются с названиями тотемного животного, птицы, зверя или другого объекта поклонения (напр. Ай «луна»), а жители, сидевшие на этих реках, также носят родовое название тотемистического характера. Что является здесь первичным? Этноним? Гидроним? Ойконим?

Анализируя этнонимы в топонимии Башкортостана, Э. Ф. Ишбердин подчеркивает, что выделение топонимов, образованных от названий башкирских родов и племен, довольно трудоемкое занятие, так как нелегко отличить их от случайных совпадений, потому что тесно переплетены между собой этнонимы, топонимы, антропонимы и зоонимы. По его мнению, только исследования на месте могут дать правильный ответ на вопрос о взаимосвязи этнонимов и топонимов [14, с. 255]. Э. Ф. Ишбердин в случаях совпадения названий племен и родов с названиями населенных пунктов и рек считает, что здесь первичным является этноним, а от него возникли названия рек и населенных пунктов [14, с. 255–256].

Академик Н. Я. Марр, анализируя гидронимию Сибири, писал: «Действительно первобытные названия рек сами по себе без всякой добавочной прибавки определяющих слов означают, прежде всего, нераздельно воду + реку, но в то же самое время в порядке мифологических представлений подлинно доисторических эпох с водой связаны образы различных племенных животных, в первую очередь тотемных, как-то волка, собаки, лошади, с чем неразрывно связано также то, что одновременно это племенные названия этнических образований, сидевших на этих реках» [15, с. 351].

Следует отметить, что к аналогичным выводам пришел и Э. М. Мурзаев. Он, опираясь на выводы крупнейшего исследователя этнографии Дальнего Востока В. И. Иохельсона и академика В. В. Радлова о номинации этнических подразделений по гидронимам, приводит несколько примеров, которые показывают переход речных названий в этнонимы. Э. М. Мурзаев также отмечает, что тюркоязычная топонимия отражает родоплеменную структуру народов, и среди них широко представлены роды канг, канга, кангар, кангалас, каны, каныклы, канглы. По его мнению, первичными являются названия рек, вторичными – этнонимы [16, с. 43–44].

Исходя из «территориального» мышления башкир, можно предположить, что первичным является тотем, который служил ориентиром в бесконечном пространстве. Вторичным по названию тотему, возможно, является название почитаемой реки, которую нашли, определили при помощи тотема. Название этнонима, по всей вероятности, произошло, от гидронима: жители, сидевшие на данной реке, носили речной этноним.

По нашему мнению, башкирскую этнотопонимию нужно выделить в отдельную проблему, имеющую свой предмет изучения в ономастической лексике башкирского языка. Проблема взаимосвязи этнонимов и топонимов наиболее сложная задача, требующая учета не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов: время возникновения населенного пункта, родоплеменной состав населения, наличие одноименной реки и т.п.

Таким образом, данные башкирской топонимии показывают, что тотемизм, как одна из ранних форм религиозного поклонения, был распространен у башкир. Краткий экскурс, посвященный выяснению сущности тотемизма, дает основание полагать, что тотемистическое животное не является главным предметом тотемистических представлений: эти представления связаны прежде всего с определенной территорией – областью кочевания конкретного рода. Такая связь выражается в зооморфном моделировании ландшафта: географический объект, в данном случае река, соотносима с тотемными животными – быком или коровой. На языковом уровне такие топонимы характеризуются переходом названия тотемного животного в географический термин: үгез «бык» переходит в үгез «река», инэк «корова» переходит в инэк «река».

В топонимии кодируется этнокультурная информация: одна система мотивирующих единиц (название животного) переносится на другую область действительности (географический ландшафт) и получает вторичную номинационную функцию, участвует в моделировании ландшафта. При этом активно используется зооморфный код культуры.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Башкирская топонимия в этнолингвистическом аспекте», проект №115040940016.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый.* М.: Гнозис, **2004**. 318 с.
2. Красных В. В. *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* М.: Гнозис, **2003**. 375 с.
3. *Словарь топонимов Башкирской АССР.* Уфа: Башк. кн. изд-во, **1980**. 199 с.
4. Кошгарий М. *Туркий сузлар девони. (Девону лутот ит турк).* Тошкеин, 1960–1963. Т. 1–3.
5. Кононов А. Н. *Родословная туркмен.* М., **1958**.
6. *Словарь топонимов Республики Башкортостан.* Уфа: Китап, **2002**. 256 с.
7. *Топоров В. Н. Животные // +Мифы народов мира.* М.: Советская Энциклопедия, **1991**. Т. I. С. 440–449
8. Леви-Строс К. *Первобытное мышление.* М.: Республика, **1994**. 384 с.
9. Хан В. С. Структура практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины // *Вестник МГУ, сер. филос.* **1993**. №1. С. 83–91.
10. Элиаде М. *Священное и мирское.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.
11. *Башкорт халык ижады: Ривәйттәр, легендалар.* Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, **1980**. 416 б.
12. Ахметшин Б. Г. *Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала.* Уфа: Китап, **2001**. 288 с.
13. Джафаров И. Ю. *Азербайджанские этногидронимы тюркского происхождения: автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Баку, **1988**. 20 с.
14. Ишбердин Э. Ф. *Этнонимы в топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья: Мат-лы III конф. по ономастике Поволжья.* Уфа, **1973**. С. 255–258.
15. Марр Н. Я. *К вопросу о названиях рек в освящении яфетической теории // Изв. Академии наук. Сер. IV.* **1926**. Т. 20. С. 349–354.
16. Мурзаев Э. М. *Топонимика и география.* М.: Наука, **1995**. 304 с.

Поступила в редакцию 11.11.2015 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2015.6.8

Zoomorphic code of culture in the terrain modeling and its reflection in the Bashkir toponyms

© G. Kh. Bukharova

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
3a Oktyabrskoi Revolutsii St., 45000 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: buharova_g@mail.ru

The article is devoted to the problem of studying the relationship between language and ethnic culture. It analyzes Bashkir toponyms associated with the cult of fire. The Bashkirs, like many nations, including the Turkic and Mongolian, have thought that fire symbolized home and was the protector of the family. The Bashkirs worshiped fire as cleansing and healing power, while at the same time the fire represented formidable and dangerous force. Fire in the Bashkir mythology is closely related to its opposite element – Water, with the gods of the upper world – the Sun and the Moon and the deity of Earth, geographical names of Bashkortostan testify this. On the material of Bashkir toponymy and related beliefs it was attempted to do a semantic etimological-onomasiological reconstruction of the Bashkir deity of fire Otukan, which dates back to the old Turkic deity Yduk (“sacred”) Otuken//Otukan. In Mongolian mythology, it corresponds to the deity Etugen//Otuken, associated with the cult of the mother goddess, earth and fire, and in Japanese mythology – with the god, the owner of the land, – Ootukonu-si-no kami. According to the author, the formation of names connected with “fire” in the Bashkir toponymy was promoted by the worship of the deity of fire, the tribal fire, the tribal habitat and the family by Tatar-Mongols. Interesting is the fact, that the base “ut” (fire), which is connected with the ancient Turkic beliefs, also builds a theonym, a toponymic term, a geographic name, an ethnonym and anthroponym, i.e. it permeates the entire onomastic and appellative vocabulary. However, at the appellative level, this lexical item has no religious significance. For example, Otukan (ancient Turkic deity of fire, associated with the land, Otukan//Ytəgən, Ytək, Təkən//Туқан//Түкән//Текән (toponyms), Təkən (ethnonym, anthroponym), Ytəgən, Ytək (anthroponym), otaq (and its phonetic variations) in Turkic languages have the meanings of “home”, “yurt”, “mountain valley”, “flat place in the mountains on the hillside”, “southern winter quarters”. This relationship is explained by the fact that, initially, perhaps, yet there was the worship of a female deity Otukan that embodied fire (“ut”) and was associated with the earth, with the habitat and the ancestral hearth, where the original base morpheme was “fire” (“ut”), then it was associated with the deification of family and tribal territory, and later with the deification of the person of the ruler, this lexic item has spread throughout the onomastic vocabulary and in the appellative lexicon within the meaning of the place of residence.

Keywords: *ethnolinguistics, Bashkir toponymy, cult of fire, the god of fire Otukan, semantic reconstruction, etimological-onomasiological reconstruction.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Bukharova G. Kh. Zoomorphic code of culture in the terrain modeling and its reflection in the Bashkir toponyms // *Liberal Arts in Russia*. 2015. Vol. 4. No. 6. Pp. 487–495.

REFERENCES

1. *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar': Vyp. Pervyi [Russian cultural space: Linguistic-cultural dictionary: First issue].* Moscow: Gnozis, 2004.

2. Krasnykh V. V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? ["Relative" among "aliens": myth or reality?] Moscow: Gnozis, **2003**.
3. Slovar' toponimov Bashkirskei ASSR [Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, **1980**.
4. Koshgarii M. Turkii suzlar devoni. (Devonu lutot it turk). Toshkei, 1960–1963. Vol. 1–3.
5. Kononov A. N. Rodoslovnaya Turkmen [Family tree of the Turkmen]. Moscow, **1958**.
6. Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan [Dictionary of toponyms of the republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap, **2002**.
7. Toporov V. N. Zhivotnye. +Mify narodov mira. Moscow: Sovet-skaya Entsiklopediya, **1991**. T. I. Pp. 440–449
8. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primordial thinking]. Moscow: Respublika, **1994**.
9. Khan V. S. Vestnik MGU, ser. filos. **1993**. No. 1. Pp. 83–91.
10. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and profane]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994 .
11. Bashkort khalyk izhady: Riyaättär, legendalar. Өфө: Bashkortostan kitap nashriäte, **1980**. 416 b.
12. Akhmetshin B. G. Gornozavodskoi fol'klor Bashkortostana i Urala [Folklore of the mining plants of Bashkortostan and the Urals]. Ufa: Kitap, **2001**.
13. Dzhafarov I. Yu. Azerbaidzhanskie etnogidronimy tyurkskogo proiskhozhdeniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Baku, **1988**.
14. Ishberdin E. F. Onomastika Povolzh'ya: Mat-ly III konf. po onomastike Povolzh'ya. Ufa, **1973**. Pp. 255–258.
15. Marr N. Ya. Izv. Akademii nauk. Ser. IV. **1926**. Vol. 20. Pp. 349–354.
16. Murzaev E. M. Toponimika i geografiya [Toponymy and geography]. Moscow: Nauka, **1995**.

Received 11.11.2015.